

УДК 008:001.8

М.Н. Кокаревич**КУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ФЕНОМЕНОВ**

Показывается, что культурно-исторический тип представляет собой целостное культурно-цивилизационное образование. Тем самым любой феномен культурно-исторического типа есть единство цивилизационного и культурного при детерминирующей роли культурного аспекта.

Ключевые слова: культурно-исторический тип, культура, цивилизация, культурная детерминация.

В философии культуры существует представление о культурно-историческом типе как целостном культурно-цивилизационном образовании. Данная концептуализация предполагает, что культура – это объективация таких компонент человеческой природы, как стремление к поиску смысла своего существования, к вере, красоте, истине, согласно Р. Жирау – к жертвенности [1], цивилизация – это актуализация потребностей в утверждении своего благополучного, безопасного, прочного существования в данном человеку мире [2].

При этом очевидна детерминированность цивилизационных компонент культурными. Последние определяют форму объективации цивилизационных составляющих человеческой природы. Таким образом, любой феномен культурно-исторического типа есть единство цивилизационного и культурного аспектов как воплощение культурных и цивилизационных составляющих человеческой природы при детерминированности культурного аспекта.

В частности, и философия, и мораль есть единство цивилизационного и культурного аспектов. Философия в своем цивилизационном аспекте призвана служить человеку, ориентировать его в мире повседневной реальности с целью обустройства, упрочения социального, политического, экономического статуса, соответствия ценностным установкам общества. Философское мировоззрение в данном аспекте имеет более или менее отчетливо выраженный прагматический характер: в нем находят свое выражение, прежде всего, способы отношения человека к окружающей его близкой действительности, но не к глобальным сторонам мироздания, общим свойствам познания и т.п.

Очень ярка цивилизационная окраска софистической философии. Софисты, первые педагоги-профессионалы, предлагали свои услуги тем, кто искал, прежде всего, успеха в практических, общественных делах, кто ставил своей целью богатство и наживу. Даже теоретическая часть их философии не была следствием бескорыстного поиска истины как таковой. Их онтология исходила из тезиса о том, что причины всех явлений в материи, главным свойством которой является текучесть, способность переходить в свою противоположность. Изменчивость – постоянное свойство не только мира, но и по-

знающего и воспринимающего его человека. Отсюда следовал гносеологический вывод о возможности существования двух мнений о каждой вещи. Чтобы ориентироваться в этом мире, человек выбирает одно мнение, отбрасывая противоположное. Так человек становится у софистов мерой всех вещей. Его собственные суждения о повседневной жизни становятся довлеющими. На второй план отходят теоретические, космологические изыскания, отвлеченные размышления, религиозные традиции и верования, как не отвечающие практическим нуждам человека, здравому смыслу. Более того, они оказываются ненужными, поскольку для успеха неважно, существует ли у человека понимание бытия. Ему достаточно знания собственного разума, методов одерживать верх в споре, личного опыта, ибо подлинная задача человеческой мысли – служить обустройству человека в мире. Онтологические и гносеологические изыскания нужны лишь для обоснования способа жизни по принципу выгоды и пользы. Действительно рассуждали так: нет объективного холода и тепла; далее – по индукции и аналогии – нет объективного добра и зла; добро то, что полезно обществу; общество – это совокупность граждан; значит добро то, что выгодно и полезно каждому. Следовательно, поиски абсолютной истины, абсолютного начала бесплодны. Главное овладеть практикой эристики, риторики, софистических уловок. При этом необходимо много знать, но лишь то, что будет способствовать жизненному успеху. Поэтому система образования строилась ими в соответствии с главной целью – обеспечить благополучие, общественный успех человеку.

Напротив, в философии Сократа ярко выражен культурный аспект философствования. В центре сократической философии тоже человек. Однако осмысление предназначения человека имело у Сократа совершенно иной характер, нежели у софистов. Не блага, не успех, а познание сущности и природы Добродетели в её абсолютном установлении – вот цель каждого. Конечно, у Сократа познание добродетели – главное условие ведения добродетельной жизни, но акцент смещается именно в сторону познания и не посюсторонних правил поведения, а постижения единого идеала. Поэтому сократическая философия как всякое явление культуры есть единое культурно-цивилизационное образование с преобладанием культурной составляющей, которая воплощается в целях философской рефлексии.

Поиски Сократа – это познание вечных идей – абсолютной Добродетели, Истины, Красоты и т.п. Разум не является прагматическим инструментом, как для софистов, он та имманентно присущая человеку божественная способность, позволяющая проникнуть в глубины и сущность мироздания, познать телеологические смыслы, универсальные принципы всего существующего. Философствование, таким образом, приобретает трансцендентальную направленность.

Специфика культурного аспекта морали заключается в том, что моральные ценности существуют трансцендентально как идеальные ориентиры, как, безусловно, общезначимые нормы, задающие универсальную связь между людьми, регулирующие отношения людей в обществе. Нравственные идеалы являются абсолютными, выступают в качестве единственного критерия поведения индивидов. Они определяют земные ценности, становятся той сущностью, отблеск которой, прежде всего, видится в субъектах моральных отно-

шений независимо от того, априорный или апостериорный характер носит данная сущность. Эта сущность становится точкой отсчета, моральности, мерой в моральных взаимоотношениях людей. Степень овладения этой сущностью человеком определяет степень восхищения им, уважения его, его добродетельности.

Человеческий облик детерминирован этой идеальной сущностью. Вступая в моральные отношения, человек видит в другом, уважает в другом именно эту сущность. В античной культуре такими сущностями были Сила, Мужество, Добродетель, возведенные к богам. В христианской морали – это Бог. В культурном аспекте христианской морали человек уважается постольку, поскольку в нем уважается Бог. «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга [3. С. 1149].

Специфика цивилизационного аспекта морали заключается в том, что моральные ценности включены в систему земных ценностей. Именно поэтому они не всегда, но могут носить ситуативный характер, могут измеряться практической целесообразностью (нравственно то, что выгодно и полезно каждому). Человек становится мерой моральности, в другом он видит себе подобного и относится к нему в аспекте этого подобия, отражения себя. «Люби ближнего как самого себя» [3. С. 1037]. «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» [3. С. 1019]. Однако христианская мораль в своем евангельском образце есть гармоническое единство культурного и цивилизационного аспектов. Процитированные выше цивилизационные нормы из Евангелия от Матфея нельзя рассматривать вне моральных ценностей в их культурном аспекте. «И так будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» [3. С. 1017].

В целом христианская мораль, как было показано, есть единство культурных и цивилизационных составляющих. Принципы христианской морали можно свести к трем, формулы которых отражают это единство. 1. Любить человека ради него самого, чтобы его спасти. 2. Любить человека ради благоволения Бога к себе, чтобы спасти себя. 3. Любить в человеке Бога. Последняя формула – воплощение культурного аспекта морали.

Культурная детерминация явно проявляется на уровне родовых форм культуры. Высокое назначение науки – прежде всего, служить Истине, а потом обустройству человека в этом мире; религия по своей сути – стремление к трансцендентальному; церковь, как религиозный институт, в первую очередь служит религиозному идеалу, Богу; искусство призвано воплощать Красоту, напоминать о Красоте.

Государство, экономика преследуют цивилизационные цели выживания, обустройства, безопасности и благополучия человека, представляют собой объективации цивилизационных компонент человеческой природы. Вместе с тем как элементы культуры они в человеческом сознании оказываются детерминированными идеей Бога. Аргументом этого положения может быть рассуждение Х.-Г. Гадамера: «Достаточно лишь вспомнить значение и историю понятия светскости: светское повергается перед святыней. Понятие светского, непосвященного (профана) и производное понятие профанации, следовательно, всегда предполагает наличие священного...» [4. С. 198].

Иначе говоря, все цивилизационные воплощения человеческой природы с необходимостью принимают статус элементов культуры. Сам процесс включения в культуру предполагает нагруженность культурными смыслами, обретение собственно культурного символического выражения. Так, идея государственной власти оказывается подчиненной идее Бога, экономические процессы – земной формой высших бытийных процессов, брак не мыслится вне божественного освящения и т.п. В современном культурном поле цивилизационные виды деятельности (думские заседания, строительство жилья и т.п.) обретают как бы самостоятельный характер. Однако культурная детерминация в рудиментарном, часто вульгаризированном виде остается и выражается посредством «обрядов» закладки первого камня, исполнением гимна и т.п.

Культурная детерминация может быть имплицитной. Как правило, культурная детерминация имплицитна на уровне частного, единичного, в рамках конкретной деятельности. В данном случае культурная компонента не столько явно или вовсе не детерминирует цивилизационную составляющую, сколько является необходимой составной частью деятельностного процесса и актуализируется в цели (цель как аспект трансцендентального), в самоощущении субъекта деятельности (самоощущение служения).

Иллюстрацией, доказательством существования данной закономерной связи, но только на уровне отдельных явлений, между культурными и цивилизационными компонентами человеческой природы, которая проявляется при их объективации, можно считать работы таких авторов, как М. Элиаде, Б. Малиновский, Дж. Уилсон, П. Рикер, Р. Жирар и ряд других.

На основе их исследований можно утверждать, что уже у первобытного человека наблюдается единство культурного, а именно религиозного, и цивилизационного аспектов его существования при доминировании первого. И питание, и половой акт и т.д. расценивались как таинство, как приобщение к Богу, проявление священного, того, что М. Элиаде называет иерофанией. Иерофанией являются Мир, Космос как творения Бога, а также осваиваемая территория, поскольку процесс освоения начинается, например, в ведическом периоде с возведения жертвенника Агни. Процесс творения, сотворения повторяется и в освоении Америки, которую покоряли во имя Христа. Пример иерофании – дом, созданный по принципу «Дом – машина для жилья». Действительно, в этом принципе, провозглашенном Ле Корбюзье, нет религиозности, он не проявление священного. Тем не менее он органично вписывается в модернистскую западноевропейскую культуру, является частным воплощением модернистского дегуманизированного, с одной стороны, и не трансцендентального – с другой, представления о прекрасном. Возможно, поэтому реализация такого принципа занимает относительно короткий период времени в истории строительства и осознается уже к 70-м годам XX в. как ненормальность.

В рамках, например, индийской культуры строительство жилья уподобляется сотворению мира. Это видно и в случае ассоциации центральной опоры дома с космической опорой или процессом закладки дома, когда закладка дома повторяет действия Индры, поразившего Змея в его логове: при закладке дома сначала вбивается колышек согласно предписанию астролога в то место, где находится голова Змея, поддерживающего мир. Следовательно,

мир постольку мир для человека, поскольку он освящен Богом, и любая жажда творения сопричастна сотворению мира. Поэтому не только строительство жилья, но и сельскохозяйственные работы повторяют деяния мифических героев и потому также являются священными актами.

Миниатюрные сады, которые китайцы устраивают в больших плоских сосудах, также иллюстрируют культурную детерминированность конкретных феноменов. Эти сады – прежде всего, символ Вселенной: гора в центре испещрена гротами – это места инициаций, они представляют собой райский мир. Однако впоследствии создание подобных садов превратилось только в эстетическое действие.

Следует отметить, что первоначально настоящие, не миниатюрные сады представляли объективацию и таких цивилизационных компонент человеческой природы, как потребность в отдыхе, пище, которые генетически присутствуют, но практически элиминируются из искусства создания миниатюрных садов.

Культурная, религиозная составляющая, по Элиаде, превалирует и в представлении о человеке, когда человеческие органы уподобляются Вселенной, имеют религиозное значение, что ведет к образу человека как микрокосма. Прежде всего, женщина уподобляется Земле, дыхание – дуновению ветра, плешь на затылке – полной луне, брачный союз – воплощению союза Неба и Земли, в тантризме женщина перевоплощается в Природу и космическую богиню Шакти, муж олицетворяет Шиву – Чистый дух [5].

Для египтян, особенно Древнего и Среднего царств, огромной ценностью был успех. Успех, заметный для всех, был большим благом. Однако эта цивилизационная ценность была производной, была предопределена другой высшей ценностью – вечной жизнью. Жажда вечной жизни означала уверенность, что КА, как часть человеческой индивидуальности, божественная часть, защищавшая и поддерживающая человека при жизни, после смерти соединится с телом и станет АХ, «действенной» душой, «деятельным существом», которое будет вечно пребывать на «тростниковых полях». Накопленный в этом мире успех гарантировал египтянину, согласно законному договору, победу над смертью.

Культурная детерминация цивилизационного аспекта той или иной культуры проявляется при создании конкретных архитектурно-строительных конструкций, в частности, таких как системы опор и перекрытий. Уже древнейшие мегалитические сооружения дольмены (два вертикальных камня, на которых покоится третий, горизонтально лежащий камень) несут в себе единство культурной и цивилизационной составляющих. Так, постепенное усложнение конструкции дольмена, увеличение количества вертикальных опор делают внутреннее пространство дольмена в большей степени защищенным укрытием. Вместе с тем археологический материал указывает на то, что первоначально дольмены были погребальной камерой, основанием для кургана.

В последующем и культурная, и цивилизационная составляющие усложняются и качественно и количественно, что находит свое воплощение в более сложном мегалитическом сооружении – кромлехе. Предполагают в результате исследования одного из известнейших кромлехов – Стоунхеджа, что его конструкция детерминирована культом солнца, подтверждением чему служат

концентрические круговые «дорожки» Стоунхеджа. Те же «дорожки», предполагается, могли служить для проведения конных состязаний. В целом многочисленные гипотезы, находки доказывают, что кромлех – первое в мире многофункциональное общественное сооружение, объективирующее всю гамму культурных и цивилизационных компонент. Оно было и собором, и залом для собраний, и стадионом, и театром, и обсерваторией в одно и то же время.

С одной стороны, архитектурная конструкция «опоры – перекрытия» как объективация пользы и прочности усложняется, модифицируясь в стоечно-балочную. Последняя варьируется применительно к особенностям климата и местных материалов, которые задают направления по реализации задачи прочности. С другой стороны, очевидна специфика, определяемая культурными доминантами. Именно поэтому стройные ассирийские колонны имеют сложные капители. Их особенность – венчающая часть, выполненная в виде парных фигур фантастических зверей (шэду), которые воплощали культ плодородия, могущество сил природы и потому были призваны оберегать дворец от всякого зла. Луксорский храм, посвященный Амону-Ра, символизировал мироздание. Именно поэтому из открытого солнцу двора, обнесенного колоннадой, путь вел в сумрачный гипостильный зал, а затем в полутемное святилище, представляющее собой настоящий лес: чашу колонн папирусообразных, пальмовидных, лотосообразных, их капители изображали бутон или распутившийся цветок лотоса. Нижние части стен украшались растительным узором, а потолок расписывался золотыми звездами на темно-синем фоне.

В античной культуре первоначально появились ионическая и дорическая ордерные системы, которые, по определению Витрувия, воплощали чистую женственность и чистую мужественность, соответственно, что весьма органично для культуры, в которой царил культ совершенной человеческой телесности.

Культуры, культурные эпохи, в которых трансцендентальные доминанты занимают полярные позиции: либо явно преобладают, либо начинают ускользать из ментального ядра, склонны к рефлексии над последними, в аспекте утверждения их приоритета, что может также служить подтверждением культурной детерминированности цивилизационных феноменов.

Так, Сократ размышляет о соотношении пользы и красоты, при этом утверждая прекрасное в качестве трансцендентальной ценности. Для него прекрасное то, что разумно, что имеет смысл. Действительно, в этот период, характеризующийся культом чистых интеллектуальных занятий, на первый план выходит красота разума. Красота вещей становится фактом сознания, т.е. Сократ выясняет, что есть красота как факт сознания вместо того, чтобы наслаждаться красотой вещей, в чем его упрекает Ф. Ницше. Таким образом, прекрасное для него как смысл, суть красивой вещи отделяется от неё и становится превалирующим, оно существует само по себе и отличается от отдельных прекрасных предметов.

В своей основе прекрасное есть смысл, предназначение вещи, т.е. в своей основе оно целесообразно. Целесообразность связана с богами. Следует согласиться с А.Ф. Лосевым, что общий смысл красоты, в условиях телеологической разработки этого и других смыслов, превращается у Сократа в «бо-

гов» [6. С. 54–61]. Боги, по Сократу, и есть такие телеологические смыслы, ибо творят, преследуя цель, реализуя смысл. Так основным у Сократа становится бог, принцип целесообразности, который носит вневещный характер и лежит в основе и красоты, и пользы. И то, и другое целесообразно, и в этом их главная особенность и основа для сравнения. Тогда, как следует из разговора с Евфидемом, прекрасное полезно своей красотой, а полезное прекрасно своей пользой, но в целом, и прекрасное, и полезное обусловлено целесообразностью, телеологическими смыслами, богами.

Бозций, исходя из того, что «все существующее стремится к благу» [7. С. 162] и все люди стремятся к счастью, доказывает, что в этом стремлении определяющим является стремление к Богу. Действительно, благо только тогда благо, когда произведено истинным благом, т.е. Богом. Приобщение к счастью – это приобщение к блаженству. Блаженство – это обладание благом, но благо для людей – это и благоденствие, и благополучие, и благосостояние (которые, несомненно, представляют собой цивилизационные ценности). Приобщение к счастью – это приобщение к блаженству, к благу. Но первое благо – Бог, а все существующее может быть благом постольку, поскольку существует, потому, что само бытие всегда возможно лишь тогда, когда оно происходит из первого бытия, то есть из блага, или Бога. Поэтому подлинный источник и благоденствия, и благосостояния, и благополучия – благо. Тогда, стремясь к счастью, люди на самом деле стремятся к Богу, пусть не осознавая этого [7. С. 161–166].

По мнению А. Шопенгауэра, архитектуру нельзя причислить только к изящному искусству, ибо она немыслима без пользы. Эстетическое впечатление будет разрушено, узнай мы, что прекрасное здание из пемзы или его невозможно построить [8. С. 222]. При эстетическом переживании архитектурного сооружения нет, и не может быть, чистого эстетического наслаждения. Именно последнее является высшим этапом эстетического чувствования, поскольку в нем человек освобождается от рабского служения воле, жизни. Таким образом, показывается приоритет культурной компоненты – чистого эстетического созерцания.

Чистое эстетическое созерцание для Шопенгауэра – это высший этап эстетического познания объекта, создание его эстетического образа, который состоит из двух нераздельных частей: познания объекта, но не как отдельной вещи, а как платонической идеи, т.е. формы всего рода таких вещей; и вторая часть – самосознание познающего не как индивидуума, а как чистого без собственной воли субъекта познания. Так при эстетическом познании – познании картины – художник дает возможность познания не отдельных вещей, но сути вещей, и, во-вторых, через технику искусства он как бы снабжает зрителя своими глазами, чтобы он увидел ту же суть. Таким образом, истинное эстетическое познание как высший этап эстетического чувствования вырывает зрителя из потока желаний, вырывая тем самым такое познание из рабского служения воле, и внимание уже обращено не на мотивы, а на восприятие вещей, свободное от их отношения к воле. Это и есть полное эстетическое наслаждение, свободное от человеческого, земного, желаемого, полезного и тому подобного. Свободное настолько, что человеку все равно, откуда смотреть на заходящее солнце – из темницы или из дворца.

В общем, образ цивилизации детерминирован культурными ценностями. Каждая цивилизация создает свои вооружения и доспехи, орудия рыбной ловли и земледелия, обработки металлов и т.п., которые лишь со временем становятся все более похожими. Очевиден нарастающий темп процессов взаимодействия и контактирования сообществ людей, разделенных в пространстве. По оценкам английского археолога Гордона Чайлда, экономический и культурный обмен между человеческими сообществами в верхнем палеолите осуществлялся в радиусе до 800 км, приблизительно за 11 тыс. лет до н.э. — уже в радиусе до 8 тысяч километров, а к 8 в. н. э. он охватил всю Азию, Африку и Европу. Процессы обмена, осуществляемые в цивилизационной оболочке, предполагают выбор и предпочтение тех средств, которые в большей степени отвечают цивилизационным потребностям, имеющим значительную степень общности для всех субъектов цивилизации и их объединений. Лишь в современном глобальном мире движение к единой цивилизации может быть названо стратегическим, но вследствие детерминированности культурными ценностями это движение не может быть всеобъемлющим, облик современного мира тому подтверждение.

Литература

1. *Жи́рар Р.* Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
2. *Кокаревич М.Н.* Культура и цивилизация в современном философском дискурсе // Дефиниции культуры. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 110–114.
3. *Библия.* М.: Библейские общества, 1995.
4. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
5. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
6. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Ладомир, 1994.
7. *Бозций С.* «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990.
8. *Шопенгауэр А.* Полное собрание сочинений. М., 1901. Вып. 1.